

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАГОЛА И СТРАДАТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

НИЙОЛЕ ЛУКШИТЕ

В грамматиках и грамматических исследованиях рассмотрение страдательного причастия предполагается как рассмотрение отглагольной формы, семантика глагольного действия которой разрешает использовать ее в качестве морфологического элемента глагольных форм. С другой стороны, страдательное причастие относится к именным словам, поскольку обладает категорией рода и числа, что ему позволяет употребляться в качестве определителя имени, где оно выявляет свои „качественные“ способности. Несмотря на „двуликость“ природы, страдательное причастие рассматривается в разделе о глаголе и, как правило, в отдельную часть речи не выделяется (так же как и действительное причастие). Страдательное причастие входит в образование страдательного залога как глагольной формы. Несмотря на то, что страдательный залог французского и литовского языков имеет аналогичную структуру (глагол être (būti) + страдательное причастие), французское и литовское причастия не одинаковым образом представляют временные и залоговые значения действия. Французское причастие (*participe passé* — Р. р.) трактуется как образование прошедшего времени и относится как к страдательному залогу, так и к действительному (от непереходных глаголов), в то время как в литовском языке причастие имеет форму настоящего времени (Pm) и форму прошедшего времени (Pt). Французское причастие Р. р. может иметь значение настоящего времени в случае неопределенности действия (*aimé, respecté*). Р. р. противопоставляется по временному значению *participe présent*, которое имеет значение настоящего времени объединяет со значением действительного залога. Во французском языке есть возможность образовывать и действительное причастие прошедшего времени при помощи вспомогательного глагола в форме *participe présent* и Р. р. рассматриваемого глагола (*ayant lu, étant sorti*); причастие действительного залога (*participe présent*) с глаголом être не сочетается.

Как во французской, так и в литовской грамматиках отмечается, что причастие приобретает страдательное значение тогда, когда оно образовано от переходного глагола. Поскольку страдательное причастие образует-

ся от любого глагола, то его сочетание с глаголом *être* и *būti* и залоговая форма пассива не являются понятиями тождественными. Во французском языке сочетания с причастием от непереходного глагола делятся на морфологическую форму глагольных сложных времен (*il est sorti*) и свободное сочетание, выражающее состояние, которое образуют чаще всего глаголы, имеющие местоименную непереходность (*il est assis*). Таким образом, во французском языке форма *être* + Р. р. бывает как пассивной, так и активной. Если формально можно определить форму *être* + Р. р. как регулярное системное образование страдательного залога от глаголов переходных, то в употреблении она теряет признаки пассивности, если не сопровождается агентивным дополнением, введенным предлогом *par*. Форма *être* + Р. р. теряет четкость отношения к переходному или непереходному действию, а тем самым и к пассиву или активу в связи с тем, что причастия непереходных глаголов, противостоящих переходным как местоименные, теряют формант *se* как указатель непереходного действия. В литовском языке формант *si* не является столь формализованным, как во французском, и не выражает противопоставление непереходного действия переходному; он придает глагольной семантике разные оттенки субъектно-объектных отношений [LKG, 1971, т. 2, р. 189], которые сохраняются и при Рm, Pt в тех случаях, в которых причастия от глагола образуются. Во французской грамматике форма *être* + Р. р. как пассивная вызывает сомнения и в том смысле, что перфективное (результативное) значение сочетания противопоставляется ее глагольной природе; таким образом, пассивная конструкция не всегда признается пассивной глагольной формой (*la porte est ouverte par quelqu'un* в результативном значении). В связи с этим одни лингвисты вообще отрицают существование глагольной формы пассива, другие признают форму *être* + Р. р. глагольной только при ее процессуальном значении. Таким образом, вопрос о французском пассиве непосредственно связан с вопросом о предельности — непредельности лексического значения глагола.

В литовской грамматике трактовка сочетания *būti* + Рm (Pt) претерпела некоторую эволюцию в связи с несовпадением пассивного значения и формального выражения, поскольку термин „страдательное причастие“, обозначающий элемент Рm, Pt, не всегда определяет пассивное значение формы. Пассивным значением обладают причастия переходных глаголов, поэтому и пассивной формой признавались сочетания с *būti* причастий переходных глаголов. Академическая грамматика литовского языка указывает, что причастия от непереходных глаголов (имеющие только средний род — *bevardė giminė*) в большинстве случаев пассивным значением обладают [LKG, 1971, т. 2, р. 366]. Сиртаутас [Sirtautas, 1970, р. 71] обратил внимание на формальные признаки формы с причастиями от непереходных

глаголов (употребление агентивного дополнения в родительном падеже и выражение объекта именительным), разрешающие ее отнести к глагольным формам пассива. Генюшене [Geniušienė, 1972, p. 27], опираясь на семантико-синтаксические критерии (выражение в подлежащем субъекта действия или другого актанта и маркирование этого соотношения глагольной формой), пассивной формой называет любые сочетания būti + Pm (Pt). Таким образом, формальные показатели получают преимущество над значением сочетания для того, чтобы это сочетание признавалось глагольной формой пассива. В связи с тем можно заметить, что в литовском языке вопрос о категории пассива ставится иначе, чем во французском языке: сочетание būti + Pm (Pt) как глагольная форма не вызывает сомнения, хотя эта форма не всегда выражает „пассивность“ действия. Можно утверждать, что в литовском языке пренебрегается „пассивностью“ для признания глагольной формы категориальной формой страдательного залога; во французском языке ею пренебрегается также, но этим вопрос о глагольности формы не исчерпывается. Результативное сочетание être + P. р. предполагается как „не глагольное“, в то время как стательное значение būti + Pm (Pt) трактовке глагольности формы не препятствует. Это говорит о том, что глагольность сочетания être + P. р. и būti + Pm (Pt) зависит от характера содержания глагола во французском и литовском языках. Содержание глагола мы связываем не только с семантикой процесса отдельной словесформы как парадигматической формы глагола. Мы предполагаем, что содержание глагола формируется и синтагматикой как формой его соотношения с именными членами предложения. В современной грамматике рассмотрение валентности глагола и подход к синтаксической структуре как системе предиката и актантов раскрывает только семантический аспект предложения, поскольку отношение глагола к именам не может трактоваться как форма языка, неотделимая от самого существования как глагола, так и имени. Система предиката и актантов не учитывает еще одного фактора – порядка слов, который также определяет характер соотношения глагола и имени и тем самым формирует содержание глагола как специфическое представление понятия процесса.

Литовский язык характеризуется свободным порядком слов. В нем реализация глагольной валентности не связана с формализацией членов предложения. Препозиция дополнения или постпозиция (инверсия) подлежащего встречаются наряду с начальной или конечной позицией глагола. Это говорит о „семантической достаточности“ частей речи, что в некоторой степени дискредитирует синтаксическую форму как форму языка, поскольку свобода порядка слов склоняет к мысли об отсутствии формы

вообще. Однако она не отсутствует, а имеет свое языковое содержание, определяющее надлежащим способом понятие процесса.

Роль порядка слов при формировании содержания процесса более ярко раскрывается во французском языке. Поскольку порядок слов является фиксированным, прямая переходность как отношение глагола и имени связана с симметрической расстановкой имен — подлежащего и дополнения — вокруг глагола. Эта симметричность определяет появление местоименной формы глагола как формы непереходности [Реферовская, 1957, с. 195], представляющей собой „антипереходность“. Фиксированное прямое дополнение определяет процесс таким образом, что он мыслится неотделимо от своего предела, который входит в содержание переходного глагола в виде „скрытого“ значения процесса.

Таким образом, содержание французского глагола представляет собой семантическое понятие более формализованное, синтаксически связанное, чем аналогичное понятие литовского языка. Однако оба вида синтаксического существования глагола неотделимы от его содержания и являются формой выражения процесса. Наше понимание синтаксической формы как формы языка мы распространяем и на объяснение причастия, природа которого также является формально определенной структурными особенностями языка. Соотношение глагола и имен как языковая форма предполагает их взаимоопределенность как членов отношения. Если мы оговорили влияние формализованного дополнения на процесс, то мы должны предвидеть и результат влияния глагола на имя. Мы предполагаем, что страдательное причастие и является той формой языка, которая это влияние фиксирует. Содержание этой формы состоит в том, что причастие появляется в языке как отпечаток процесса на имени: имя приобретает признак, свидетельствующий о его подвержении процессу. Поскольку такой признак возникает при имени, природа признака — именная; форма *être* + P. р. или *būti* + Pm (Pt) выражает присутствие этого признака при имени в виде предикации. Сочетание причастия с *être* и с *būti* имеет неодинаковый характер. Во французском языке *être* указывает на тесную связь причастия и „скрытого“ значения предела глагольного содержания переходных глаголов: имя — прямое дополнение получает отпечаток постольку, поскольку оно формирует предел процесса (*aimer les enfants — les enfants aimés; ouvrir la porte — la porte ouverte*). Таким образом, предел процесса является предпосылкой отпечатка процесса на имени. Форма *être* + P. р. переходных глаголов и является формой, утверждающей присутствие признака при имени как результат его роли предела при процессе. На уровне словоформы эта форма будет рассматриваться как пассивная. Как форма глагольной парадигматики она не вызывает сомнения. Однако установление в тексте ее содер-

жания усложняется. Это, в первую очередь, связано с тем, что в форму *être + P. р.* входят не только причастия переходных глаголов. Сочетание *être + P. р.* может включать причастие непереходных глаголов при выражении результативного значения непереходного действия (*il est sorti, il est assis*). Это значит, что причастие возникает не только как отпечаток на имени-дополнении, но и на имени-подлежащем: имя-субъект входит в синтаксическую форму отношения глагол—имя также, как и имя—дополнение. Однако формирование отпечатка на имени-субъекте также ограничивается некоторым условием: поскольку сочетание *être + P. р.* характерно для глаголов предельного лексического значения, то следует считать, что отпечаток —именной признак имя-подлежащее получает тогда, когда пребывание процесса в сфере субъекта дает результат ввиду исчерпанности внутренней ограниченности, заложенной в его лексической природе (*les feuilles tombent — les feuilles tombées*). Следовательно, предельность лексического значения в содержании непереходного глагола играет ту же роль, что и переходность, — создает семантическое понятие процесса неотделимо от его предела, ограниченности его протекания. Причастия предельных непереходных глаголов, не сочетающихся с глаголом *être*, указывают на то, что содержание этих глаголов не имеет „скрытого“ значения предела, которое определяет появление отпечатка на имени-подлежащем. Как морфологические образования они употребляются для формирования сложных глагольных форм и тем самым обеспечивают единство системы глагольных времен, которая видоизменяет процесс безотносительно к его внутренней природе (с пределом или без него). К таким причастиям относятся *parti, parti, dormi*, не сочетающиеся с *être*, поскольку действия аналогичных глаголов не могут дать результата. Причастия непереходных предельных глаголов *allé, venu, sorti, parti* etc. в виде сочетания *être + P. р.* представляют собой грамматализованные глагольные временные формы. Причастия глаголов местоименной непереходности почти регулярно сочетаются с глаголом *être*. Ж. Дюбуа [Dubois, 1968, p. 115] выделяет сочетание причастия с *être* как форму выражения *accompli* (завершенного действия) по отношению к формам настоящего времени как выражающим *non-accomplis*: *Il s'affale sur le fauteuil /il est affalé sur le fauteuil*. Выражение *accompli* возможно благодаря предельности лексического значения глагола.

Морфология литовского страдательного причастия говорит о том, что формирование отпечатка глагола на имени имеет другой характер. В литовском языке отпечаток в первую очередь формируется как следствие отношения глагола к имени-дополнению, выражающему 1) прямой объект в форме винительного падежа, родительного отрицания или неопределенного количества (*skaityti knyga — skaitoma (skaityta) knyga; nerasti pėdsakų —*

pėdsakai nerasti; наряду с формой pėdsakų nerasta); 2) косвенный объект в форме родительного падежа (laukti svečių – svečiai laukiami) или дательного (vadovauti susirinkimui – susirinkimas vadovaujamas pirmininko). Сила воздействия глагола на имя не поддерживается синтаксической структурой предложения, которая во французском языке отдает предпочтение имени – прямому дополнению как исключительно абсорбирующему глагольное воздействие. В литовском языке семантическая связь процесса и объекта сама по себе достаточна, чтобы имя осталось „меченым“ в виде именного признака. Что касается отношения глагола и имени-подлежащего, то тут дела обстоят по-другому. Форма страдательного причастия непереходных глаголов (žmonės gyvena – žmonių gyvenama) свидетельствует о взаимоотношении глагола и имени, но она не реализуется в виде отпечатка, поскольку имя-подлежащее не может сочетаться с такого рода именным образованием: vanduo teka – *vanduo uga tekamas (tekėtas) (в атрибутивном употреблении tekamas может сочетаться с именем как синоним действительно-го причастия tekantis: tekamas vanduo). Страдательное причастие от tekėti может сочетаться с vanduo только в форме vandens tekama (lėtai). Причастие tekama имеет средний (bevardė) род, который представляет собой нейтрализацию мужского и женского рода. Думается, что категория рода в данном случае присутствует как формальный знак проявления именной природы причастия; представление рода в обобщенной форме скорее является понятием, связанным не с „качественностью“ именного признака, а с выражением обобщенного деятеля, имплицитированного в форму причастия неотделимо от семантики процесса. Таким образом, в литовском языке выявляется „скрытое“ значение деятеля. Это и объясняет тот факт, что процесс не „клеится“ к имени-подлежащему – оно не получает отпечатка; в некотором смысле оно „отталкивает“ процесс, не давая возможности образоваться полностью именному признаку, но зато воздействуя на сам процесс таким образом, что рождается форма-гибрид, сочетающая в себе и нереализовавшийся отпечаток, и не коснувшийся имени процесс. Такая ситуация и обобщается в языке формой страдательного причастия среднего рода. Поскольку оно не является настоящим отпечатком, оно не имеет пассивного значения и правомерно отмечается как страдательное причастие с активным значением.

Для литовского языка характерно, что переходность как предположение отпечатка и „скрытое“ значение деятеля, характеризующие процесс, – понятия не взаимоисключающие. Существование конструкций типа skaitoma knygas, gandama vardus говорит о том, что переходность глагола не обязывает имя-дополнение получать отпечаток (skaitomos knygos, gandami vardai); она игнорируется ради выявления при процессе понятия деятеля. С другой стороны, конструкции типа skaitoma knygos, gandama vardai в подлежа-

щем выделяют объект, но именной признак преподносится не как отпечаток, а как «несостоявшийся отпечаток»; тем самым он фиксирует процесс через его отношение к деятелю, исключая его отношение к объекту.

Присутствие понятия деятеля в процессе литовского языка обеспечивает этот процесс определенной активностью, о характере которой можно судить по обширной группе страдательных причастий, большинство которых употребляется атрибутивно. Наличие сложной системы актантов и сирконстантов позволяет процессу коснуться и других имен как соучастников ситуации, организующим звеном которой является глагол-предикат. В этой ситуации может выделяться отношение процесса к имени, не играющего роль не только прямого объекта, но и объекта вообще. По данным академической Грамматики литовского языка, отпечаток получает косвенное дополнение (адресат): *šunelis bet ką paduotas éda (paduoti šuneliui bet ką) [p. 50]; karvė buvo duota 70 tub. [p. 50] (duoti kam nors už karvę) – выделяется имя karvė как предмет, вокруг которого создается ситуация купли-продажи; bulvių sodinamas dangus [p. 343] – имя dangus как сирконстант в ситуации sodinti bulves присутствует имплицитно, но приобретение им отпечатка говорит о том, что процесс мыслится неотделимо от понятия благоприятствования, характеризующего его совершение: avelių kerpamos žirklės [p. 343] – выделяется имя žirklės (инструмент) как предмет, определяющий ситуацию kirpti avelės. Таким образом, представить ситуацию опосредованно, через имя-предмет можно благодаря его конструктивному отношению к процессу, который втягивает в ситуацию не только субъект и объекты, но и такие имена, семантическая роль которых является более внешней, но в структуре ситуации выделяются именно они как конкретизирующие способ осуществления процесса.*

Жизненность процесса в литовском языке и в том, что причастие-отпечаток образуется не только от реального соприкосновения глагола и имени, но и от предполагаемого, поскольку оно фиксирует признак как возможный или необходимый: само существование процесса предполагает неизбежность отпечатка. Например: *durys visiems einamos [p. 393] (eiti pro duris).*

Из сказанного выше вытекает, что страдательное причастие как языковая форма, фиксирующая связь глагола и имени в предложении, является частью речи. Его сочетание с глаголом être или būti реализует в первую очередь предикацию как связь имени-предмета с его признаком. Оно представляет собой форму langue, не связанную с конкретностью признака, семантически раскрывающегося в отдельной словоформе как единице discours. Французский и литовский языки по-разному конкретизируют эту схему реализации признака. В литовском сочетании būti + Pm, Pt рассматривается как форма глагольного сказуемого, поскольку семантика действия заглушает природу причастия как приименного признака. Во французском языке семан-

тика формы être + P.p. не разрешает однозначно ее определить по отношению к характеру сказуемого, поэтому ее можно трактовать как форму нейтрализации синтаксической природы сказуемого. Конкретная словоформа может определяться как глагольная или неглагольная. Нейтрализация формы по отношению к сказуемому свидетельствует об относительном характере ее глагольности. Разъединение формы être + P.p. как формы langue и формы discours необходимо для объяснения языковой природы формы être + P.p. Возможность связывать природу формы с понятием предикации проявляется в теории Б. Потье [Pottier, 1967, p. 17], который традиционно рассматривает ее как пассивную, но вместе с тем выделяет ее как форму атрибутивной предикации. Это отражается также в диссертации Гивишвили [1979], которая выделяет в пассивных словоформах уровень предикации признака в рамках теории парадигматического синтаксиса и приравнивает признак-причастие к признаку-прилагательному, признавая пассивную форму как сочетание синтаксическое и тем самым отрицая глагольность формы (категориальное содержание страдательного залога). Однако Гивишвили рассматривает être + P.p. только переходных глаголов и не раскрывает тех скрытых значений в содержании глагола, которые разрешают говорить о единстве природы страдательного причастия как такового. Поэтому она противопоставляет форму être + P.p. переходных глаголов, о которой говорит как о синтаксической форме выражения пассива, сложной временной форме глаголов движения (il est sorti) и отказывается рассматривать возможность употребления этой формы в качестве свободного (результативного) сочетания (вне значения времени). К тому же она исключает из рассмотрения сочетание être + P.p. местоименных глаголов и не пытается установить общность природы причастия местоименного непереходного и аналогичного неместоименного (переходного) глагола. Поэтому выделение причастия как слова, аналогичного прилагательному, происходит вне раскрытия формирования его содержания.

LE CONTENU DU VERBE, LE PARTICIPE PASSÉ ET LE PARTICIPE PASSIF EN FRANÇAIS ET EN LITUANIEN

N. LUKŠYTĖ

Résumé

La phrase en tant que structure réalisant les rapports entre le verbe et les noms présente une forme de langue déterminant le contenu du verbe. L'ordre direct des mots du français détermine le procès des verbes transitifs comme possédant la limite, notion qui est propre aussi aux verbes perfectifs intransitifs. En lituanien le procès en tant que contenu du verbe est lié à la forme syntaxique réalisant l'ordre libre des mots ce qui le détermine comme possédant une

notion de sujet. Cette notion est explicitée dans le genre neutre du participe passif des verbes intransitifs. Les participes mêmes en français et en lituanien sont considérés comme le résultat du rapport bilatéral verbe–noms présentant une sorte d' empreinte du procès sur le nom.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Dubois, 1968 – Dubois J. Grammaire structurale du français. Le verbe. – Paris, 1968, p. 115.
- Geniušienė, 1972 – Geniušienė E. Dėl pasyvinės intransityvinių veiksmažodžių formos. – Kalbotyra, 1972, 24 (1), p. 27.
- LKG, 1971 – Lietuvių kalbos gramatika. – V., 1971, t. 2.
- Pottier, 1967 – Pottier B. Présentation de la linguistique. Fondements d'une théorie. – Paris, 1967, p. 17.
- Sirtautas, 1970 – Sirtautas V. Dėl pasyvinių formų aktyvinės reikšmės. – Kalbotyra, 1970, 21, p. 71.
- Гвишвили, 1979 – Гвишвили О. И. К проблеме существования грамматической категории страдательного залога во французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1979.
- Реферовская, 1957 – Реферовская Е. А. Местоименная форма – форма непереходности. – Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 204, вып. 29, с. 195.

Vilniaus V. Kapsuko universitetas,
Prancūzų kalbos katedra

Iteikta
1982 m. gruodžio mėn.